

Раннее осеннее солнце припекало довольно ощутимо. Закончив с обедом, Чжоу Фу всучил Лу Шицину стаканчик горячего кофе. Взглянув на часы и поняв, что до назначенного времени оставалось всего полчаса, Чжоу Фу злобно усмехнулся. Вид у него был такой, словно он готов взорваться в любую секунду.

Шицин же ни о чем не подозревал. Обхватив ладонями теплый стаканчик, он вновь вспомнил вчерашний позор, и мочки его ушей предательски покраснели.

Чжоу Фу разблокировал экран телефона и стал один за другим показывать Шицину присмотренные сценарии:

— Слышал, в конце года режиссёр Ли собирается снимать историческую драму — дворцовые интриги, борьба за власть. Проект обещает быть масштабным, созвездие первоклассных актеров. Погляди пока, как тебе материал.

Шицин растерянно моргнул:

— А эту роль мы что, больше не снимаем?

— Снимаем, почему же, — усмехнулся Чжоу Фу. — Мы ведь прямо сейчас сидим и ждем своей очереди, верно?

Вот только дойдет ли дело до съемок, теперь зависело исключительно от везения здешнего режиссера.

На съемочной площадке как раз объявили перерыв после очередной сцены. Режиссёр Чжао обмахивался веером, пытаясь спастись от духоты, как вдруг неподалеку поднялся гул.

Вскоре к нему подбежал помощник:

— Режиссёр Чжао, там Жун Сюй пришел.

Чжао опешил. Мир шоу-бизнеса тесен, и все, кто мало-мальски держал руку на пульсе, знали, что Жун Сюй снимается в новом проекте на соседней площадке. Но у него же там со дня на день финальный дубль, с чего вдруг он решил заглянуть сюда?

Жун Сюй холода словно не замечал. Несмотря на бодрящие пятнадцать градусов, он небрежно шествовал в легкой рубашке и черных классических брюках. Рукава были закатаны до локтей, причем на одном красовался мультяшный пластырь — деталь, абсолютно не вязавшаяся с его холеным, пижонским образом. Он продвигался вперед, точно бабочка, порхающая с цветка на цветок, и ослепительно улыбался каждому встречному.

Несколько лет назад они с режиссёром Чжао работали над общим проектом, и сотрудничество вышло на редкость удачным. Лицо Чжао разгладилось, и он поднялся навстречу гостю. Члены съемочной группы тем временем ненавязчиво стягивались поближе, стараясь рассмотреть

звезду первой величины во всех деталях.

Лу Шицин никак не ожидал увидеть здесь Жун Сюя и на какое-то время просто оцепенел. Ему тоже безумно хотелось поглазеть, но смелости протиснуться сквозь толпу не хватало. Пришлось сидеть на месте, вытянув шею и высматривая знакомый силуэт в просветах между спинами сотрудников.

Заметив это, Чжоу Фу хмыкнул:

— Ну так подойди поближе, чего шею-то ломать?

Шицин поспешно помотал головой.

Из-за расстояния расслышать, о чем Жун Сюй беседует с режиссёром Чжао, было невозможно.

Шицин продолжал украдкой наблюдать. Вдруг Жун Сюй будто уловил его взгляд. Он слегка повернул голову, безошибочно определив цель, и сквозь плотную толпу посмотрел прямо на юношу.

Шицин замер.

Спрятаться он уже не успевал и теперь смотрел на него во все глаза, точно напуганный, взъерошенный котенок.

На Жун Сюе красовались тонкие золотые очки — деталь грима из его собственного фильма. Мягкое послеполуденное солнце вызолотило оправу, заставив стекла блеснуть благородным отсветом. Мужчина едва заметно улыбнулся, после чего совершенно естественно отвел взгляд и продолжил прерванный разговор с Чжао.

—...Надо же, режиссёр Чжао, вам удалось заполучить инвестиции самой медиа-компании «Синчэнь»? — долетел звучный голос Жун Сюя. — Се Синлань хоть и молод, но хватка у него железная, а чутьё безошибочное. Все его проекты бьют рекорды популярности. Судя по всему, «Девятикратное предание» ждет оглушительный успех. Пожалуй, поздравлю вас заранее.

Улыбка на лице Чжао мгновенно застыла.

Если бы режиссер не знал подоплеки недавнего скандала с гневными тегамы, он бы решил, что Жун Сюй явился сюда исключительно ради того, чтобы заступиться за Лу Шицина.

— Ну что вы, пока рано загадывать, — натянуто рассмеялся Чжао.

Жун Сюй продолжал непринужденно сыпать светскими фразами:

— Кстати, во второй половине года медиа-компания «Синчэнь» планирует запустить свое первое реалити-шоу в прямом эфире. На днях они связались с моей студией. Режиссёр Чжао, вы ведь тоже когда-то работали в этом жанре? Может, подкинете пару дельных советов?

Чжао нахмурился, не понимая, куда клонит собеседник:

— Реалити в прямом эфире?

— Да, проект пока на стадии подготовки, — Жун Сюй мягко улыбнулся. — Господин Се хотел отблагодарить меня за то, что я помог замять недавний скандал вокруг Лу Шицина, и расщедрился на внушительные ресурсы. Продемонстрировал, так сказать, крайнюю степень признательности. Из всего предложенного разнообразия я выбрал именно это шоу — показалось забавным.

Казалось бы, обычная светская болтовня, однако лоб режиссёра Чжао прорезала глубокая морщина, а с лица окончательно сошли краски.

Даже когда у Доу Чжо, главной звезды первой величины в медиа-компании «Синчэнь», случались крупные неприятности, улаживанием вопросов занимался исключительно его агент. Се Синлань, выходец из могущественного клана, надменный и беспристрастный, всегда слыл расчетливым дельцом. Для него существовали только прибыль и сухой расчет, и переходить ему дорогу в индустрии никто не смел.

И вдруг этот человек ради пустякового, мимолетного скандала вокруг какого-то новичка лично вмешивается, да еще и выкладывает на стол козырные ресурсы, чтобы купить лояльность Жун Сюя.

Чжао почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Запоздалое озарение ударило под дых.

Захоти Се Синлань сделать из Лу Шицина дойную корову и быстро продвинуть его наверх, он бы без лишних слов выкупил для него главную роль или хотя бы ключевого персонажа второго плана. Но раз юноше выделили крошечную, едва заметную роль эпизодического плана, значит... его просто хотели провести проторенной дорожкой без лишней шумихи, ненавязчиво добавив в портфолио престижный проект.

Наблюдая за тем, как лицо режиссера то бледнеет, то идет пятнами, Жун Сюй слегка приподнял уголки губ. Он вольготно устроился на складном стуле, подперев подбородок ладонью, и устремил взор на экран режиссерского монитора.

— Сегодня после обеда у меня как раз свободное время. Вы ведь не против, если я побуду здесь и посмотрю за процессом?

Чжао, все еще пребывавший в легком оцепенении от собственных мыслей, никак не мог

разгадать истинные мотивы киноимператора. Ему оставалось лишь поспешно закивать:

— Разумеется, милости просим.

В этот момент карман режиссера глухо завибрировал. Чжао вздрогнул, вытащил мобильный и скользнул взглядом по экрану. Лицо его в ту же секунду потемнело.

С незнакомого номера пришло сообщение, к которому прилагались скриншоты с убийным компроматом на одного из ключевых актеров второго плана в «Девятикратном предании».

Пальцы, сжимавшие телефон, мелко задрожали. Чжао почувствовал, как спина взмокла от холодного пота. Он медленно поднял голову и посмотрел в сторону Лу Шицина.

Юноша сидел под широким солнцезащитным зонтом. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, а устремленный на режиссера взгляд казался по-зимнему колючим и холодным — от этого равнодушия невольно бросало в дрожь.

Сидевший рядом Чжоу Фу, который, судя по всему, предвидел эту реакцию, вертел в руке смартфон. Заметив взгляд Чжао, он небрежно постучал подушечками пальцев по стеклу экрана и растянул губы в многозначительной, пугающей усмешке.

Чжао оторопел.

«Этот безумец...»

Агент по фамилии Чжоу лишь холодно усмехнулся про себя. Если не показать этим заносчивым творцам зубы с самого начала, они так и будут вытирать о них ноги.

Сам Лу Шицин даже не заметил безмолвной дуэли между своим менеджером и режиссером. Все его внимание было приковано к Жун Сюю, сидевшему под навесом. Заметив, как пара осмелевших коллег подошла к киноимператору, чтобы обменяться контактами, юноша беспокойно заерзал на стуле.

«Мне бы тоже... добавиться к нему в контакты...»

Чжоу Фу тем временем то и дело поглядывал на часы. Ровно в без пяти три к ним, сияя дежурной улыбкой, подбежал помощник режиссера.

— Господин Лу, ваша сцена следующая! Прошу на площадку!

Чжоу Фу ядовито процедил:

— Надо же, как оперативно. А я-то думал, нашему Шицину придется мариноваться здесь до следующего месяца. Специально номер в отеле еще на тридцать дней продлил.

Помощник режиссера виновато заулыбался, заикаясь:

— Ну что вы, как можно! Режиссёр Чжао просто невероятно требователен к деталям, стремился поймать идеальный кадр. Сейчас как раз свет лег безупречно. Господин Лу, давайте обновим грим.

Не дожидаясь, пока разгневанный агент выдаст очередную порцию колкостей, ассистент поспешно позвал гримеров, а сам мгновенно испарился.

Шицин послушно замер под кистями гримеров.

Ему предстояло сыграть первое появление Духа Меча. По сюжету главная героиня Цинь Шу попадает в коварную засаду на месте испытаний. Ее духовные каналы разрушены, жизнь висит на волоске. Последняя надежда — собственная кровь, которая окропляет древний, покрытый патиной и ржавчиной клинок, пробуждая дремавшего тысячу лет Духа Меча. Тот, явившись в мир, за секунды превращает врагов в кровавое месиво, оставляя свидетелей в немом шоке.

Когда гримеры закончили работу, руки и лицо Шицина покрывали яркие багровые потеки бутафорской крови. Подбодренный теплым взглядом Чжоу Фу, юноша направился вслед за ассистентом к декорациям.

К счастью, несмотря на тяжелую социофобию, перед объективом камеры Шицин не испытывал паники. Он быстро прорепетировал мизансцену с постановщиком, пока осветители завершали выставлять приборы.

Жун Сюй, уже добившийся своей цели, поначалу собирался откланяться и вернуться к собственным съемкам. Однако, скользнув взглядом по экрану монитора, на котором транслировался крупный план Лу Шицина, он замялся и решил остаться. В конце концов, раз уж пришел, можно и посмотреть.

Режиссёр Чжао сделал знак рукой, и команда мгновенно и слаженно включилась в работу. На мониторе высветилось лицо Шицина.

У Чжао перехватило дыхание.

Как бы предвзято он ни относился к парню, приходилось признать: описанную в первоисточнике «потустороннюю, лишенную человеческих черт красоту» Духа Меча во всем шоу-бизнесе вряд ли кто-то смог бы воплотить лучше этой «прекрасной пустышки». Благо, играть там особо нечего — стой себе с ледяным выражением лица и изображай статую.

По сценарию высвободившийся клинок вырывается из ножен. Свистящая вспышка белого

света — и враги, только что грозившиеся растерзать Цинь Шу, застывают на месте, после чего замертво валятся на землю один за другим. Дух Меча, обагрённый кровью, является во плоти и делает первые шаги к своей госпоже.

«Лишенное земного тепла изящество и пугающая, демоническая притягательность» — именно так описывал его автор романа.

Хлопнула хлопушка-нумератор. Массовка с шумом повалилась на землю. Сквозь клубы тяжелого белого пара, нагоняемого генератором искусственного тумана, проступили очертания мужской фигуры в запятнанных кровью белых одеждах.

Чтобы подчеркнуть потустороннюю природу духа, костюмеры одели его в свободное белое одеяние, расписанное причудливыми защитными знаками. К щиколотке крепился золотой бубенец без язычка — беззвучный и зловещий. Первый кадр фокусировался на босой ноге, делающей шаг из клубящейся дымки.

Цзян Ванчжи, исполнявшая роль Цинь Шу, уже настроилась на нужную эмоцию страха. Но когда она вскинула взгляд, слова застряли у нее в горле.

Лу Шицин стоял посреди тумана, слегка склонив голову набок. Он безразлично взирал на устилавшие землю «тела». Растрепанные длинные пряди и испачканный бутафорской кровью шелк придавали ему дикий, неприкаянный вид. Наконец он поднял голову, обнажив мертвенно-холодный взгляд.

В этот миг в мыслях актрисы яркой вспышкой пронеслось описание из книги:

«Нечто, лишённое человеческого естества»

Режиссёр Чжао, со скучающим видом следивший за процессом, мгновенно выпрямился в кресле и впился глазами в экран.

Изобразить холодность проще всего — достаточно просто убрать с лица любые эмоции. Однако в облике Лу Шицина изменилось нечто большее. Его обычно мягкие, янтарные глаза теперь казались абсолютно чужими — темными, глубокими, точно полированный обсидиан, не отражающий ни единого луча света. В них не было и намека на человеческие чувства.

Взгляд Духа Меча медленно скользнул по павшим врагам и наконец остановился на Цинь Шу.

В этот момент страх Цзян Ванчжи перестал быть актерской игрой — она инстинктивно качнулась назад, отступая на полшага. Но как только Шицин зафиксировал на ней взгляд, глухая чернота в его глазах начала рассеиваться. Луч солнца пробился сквозь кроны деревьев и мягко осветил половину его лица, заставив радужку вспыхнуть янтарным блеском.

Вся пугающая жестокость испарилась без следа.

Дух Меча радостно рванулся к своей спасительнице, но, сделав лишь полшага, покачнулся и тяжело рухнул на колени. Заточенный в холодном железе на тысячу лет, он напрочь позабыл, как пользоваться собственным телом. Точно дикий зверь, внезапно обретший человеческий облик, он неуклюже, но мягко подобрался к девушке на четвереньках.

Этого жеста не было в сценарии.

Но в этой жалкой, беззащитной пластике крылась невероятная, почти гипнотическая грация.

Испачканная в бутафорской крови ладонь поднялась и бережно приняла безжизненно висящую руку актрисы.

Ванчжи замерла, едва дыша:

— Ты...

Юноша опустил у ее ног. Из-за того, что он запрокинул голову, волна черных волос заструилась по земле шелковым потоком. Он держал ее ладонь в своих руках, рассматривая с детским любопытством, а затем, словно преданный домашний питомец, ласково и доверчиво прижался щекой к ее тыльной стороне.

Ванчжи вздрогнула. Ледяной озноб от этого прикосновения прокатился по предплечью и достиг самого сердца — левая половина тела словно онемела. На бледной коже Шицина алели следы грима, лицо не выражало никаких эмоций, но в каждом его движении сквозила поразительная, пугающая покорность.

Безупречная, но пугающая внешность, отрешенный и одновременно кроткий взгляд, первобытная дикость повадок — актерская игра вдохнула жизнь в картонный образ.

Персонаж, на которого читатели новеллы почти не обращали внимания... ожил прямо на глазах.

Режиссёр Чжао замороженно смотрел в монитор, совершенно позабыв скомандовать «Стоп, снято!».

Жун Сюй тоже замер, не в силах оторвать взгляда от монитора.

Съемки под открытым небом всегда зависят от капризов погоды, но сейчас природа благоволила им. Мягкое предзакатное солнце ложилось на фигуру Лу Шицина косыми золотистыми полосами. Его янтарные глаза казались прозрачными, точно обработанный кварц, придавая кадру естественную глубину без всякой цветокоррекции.

Картинка один в один напоминала рекламный ролик парфюма «Степной пожар».

Казалось, Лу Шицин сквозь объектив камеры смотрит прямо на него, Жун Сюя. Но в этом взоре больше не было испуга дикого зверька, загнанного в угол. Он был чистым, глубоким и завораживающе прекрасным.

Киноимператор почувствовал, как пересохло в горле. Он судорожно сглотнул и принялся задумчиво вращать кольцо на правом мизинце.

Кожа на тыльной стороне ладони вдруг загорелась, словно от случайного ожога.

<http://bllate.org/book/18347/1764289>